

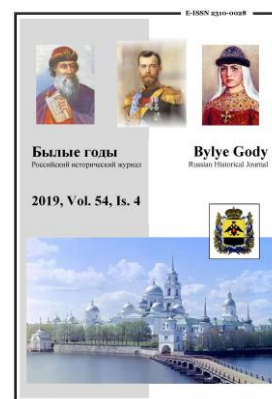
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1799-1810. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1799
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Pilgrimage Icon of the Russian Northern Monastery as a Historical and Cultural Source

Natalia Shamardina ^{a,*}

^a Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

Abstract

The article considers the issues of the history of the Russian northern monastery in the lands of the Komi-zyryan, reflected in the peculiarities of the pilgrimage icon belonging to the Kaliningrad inhabitant. It turned out that the icon is the blessing of an outstanding church figure – Archimandrite of Trinity Stefano-Ulyanovsky Monastery Matfey (1818–1885), and is a copy of the monastery miracle icon. The icon shows the main milestones of the history and background of one of the flourishing Russian monasteries in the second half of the 19th century with its spiritual fathers and holy patrons supported and conceived by the cults of Russian saints. The icon is also of interest from an artistic point of view. For all the unconditional secondary, as well as the given miniaturization, its technical and aesthetic features are determined by the main trends of Russian religious painting of the second half of the 19th century. They can be brought closer to such defining phenomena of the era as works of St. Petersburg workshop V.M. Peshehonov (1818–1888). This icon writer and organizer of the icon business contributed to the creation of a style of late Russian icon, which met the tastes of the highest church hierarchy and the capital elite, including members of the imperial family. During the tragic events for the Russian Church, the monastery ceased to exist and was completely destroyed. His new life began in 1994, practically in an empty place. The icon in question provides some insight into the irretrievably lost shrines and the tense spiritual life of the Russian Orthodox missionaries who spawned them.

Keywords: pilgrimage icon, iconography of Russian saints, northern monasteries, «Peshehonian letters»

1. Введение

Актуальность работы заключается в том, что исследование ориентировано на мало изученную сферу русской культуры второй половины XIX века – паломническую икону северного монастыря. Важно, что в таком специфическом предмете художественного производства эпохи не только воплощаются определенные формы религиозного сознания общества, но и запечатлевается связь с выдающимися деятелями и значительными событиями российской духовной жизни, память о которых зачастую уже практически утрачена; наблюдаются и по-своему преломленные характерные для периода художественные особенности.

До недавнего времени русская икона XIX века редко вызывала интерес отечественных историков искусства, не признававших (в отличие от зарубежных коллекционеров и знатоков) ее художественной ценности (Бусева-Давыдова, 2001: 19).

Объясняется это тем, что в синодальный («петербургский»: 1700–1917) период традиционное иконописание утратило поддержку центральной власти и лишилось статуса государственного искусства. Принято считать, что в результате реформ Петра I и после основания в середине XVIII века Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге иконопись в России становится маргинальным явлением, сохранявшим в культуре в основном значение атрибута частной

* Corresponding author

E-mail addresses: NVOVO4@mail.ru (N. Shamardina)

православной религиозности. Однако в настоящее время в российском искусствознании формируется представление об иконописи XIX века как о пусть и не магистральном пути русского искусства, но вполне закономерном этапе его истории, порой представляющем «образцы высокого искусства» (Халтурин, 2001: 5).

Монастырская паломническая икона относится к наименее изученной области этого пласта русской культуры и может, при всей служебности этого типа произведений, открыть его новые грани.

К подобным произведениям, которые, обладая достаточной полнотой эстетической самоценности, дополняют наши знания о значительных персонах русской культурной истории и иллюстрируют уже почти забытые высокие духовные свершения русской культуры второй половины XIX века, относится рассматриваемая нами икона.

2. Материалы и методы

2.1. Основным материальным источником исследования явилась домашняя икона с изображением четырех святых. Поиски иконографических и стилистических аналогий, определение функционального статуса произведения, выяснение персонального состава композиции и установление логической связи изображенных святых как между собой, так и с местом создания произведения – указанным в надписи на картуше монастырем на севере России – все это, наряду с поиском вероятной художественной среды, стало задачами исследования.

Базу источников исследования составили опубликованные в искусствоведческой, историко-краеведческой и церковной литературе и периодике, включая издания XIX века, сведения о северных русских монастырях, а также об иконографии русских святых, особенно прославившихся в обителях на севере России, сведения об иконописцах и организаторах иконного дела второй половины XIX века. Существенным разделом источников явились многочисленные иконы северорусских святых в отечественных и зарубежных коллекциях и их описания.

2.2. В качестве методологической основы исследования используются принципы историзма и изучения эпохи через биографию личности в историко-культурном контексте. Важными методами явились искусствоведческий, иконографический и культурологический анализ.

Историзм как научный метод предполагает рассмотрение социально-культурных явлений в динамике, в процессе становления и предполагает анализ объектов исследования в связи с конкретно-историческими условиями их существования. Именно такой подход представлялся нам единственно возможным для изучения исторической ситуации, сложившейся в конкретной регионе коми-зырянского расселения с его непостоянной культурно-конфессиональной обстановкой. Историко-биографический метод в нашем случае ориентирован на изучение обстоятельств жизни, элементов «психологического портрета» значимой личности, результаты деятельности которой определяют характер исследуемого явления. Стилистический анализ как основа искусствоведческого метода способствовал введению исследуемого произведения в определенный круг художественных явлений эпохи. Иконографический аспект искусствоведческого анализа необходим для определения, классификации и характеристики тем, сюжетов, персонажей произведения христианского изобразительного искусства, в том числе и исследуемого в данной работе произведения. Культурологический анализ художественного произведения позволяет ввести его в соответствующий контекст культуры, в условиях которого оно возникает и бытует, рассматривать его, в том числе, с аксиологической точки зрения. В нашем случае подобный подход открывает возможность максимально полной и разносторонней характеристики изучаемого объекта.

3. Обсуждение

Непосредственно об интересующей нас иконе в литературе сведений не обнаружено. Аналогичная икона из коллекции Национального музея Республики Коми упоминается в статье Православной энциклопедии. В этом же источнике выявлена информация о культе сольвычегодской святой Иулиании в Ульяновском Троицко-Стефановском монастыре (Романенко, Плаксина, 2009: Иулиания).

Поскольку, согласно надписи на иконе, происходит она из Ульяновского Троицко-Стефановского монастыря (в то время входившего в Усть-Сысольский уезд Вологодской губернии), одним из важных источников стала работа вологодского писателя и краеведа второй половины XIX века Ф.А. Арсеньева (1832–1889) «Ульяновский монастырь у зырян: Троицко-Стефановская новообщежительная обитель» (Арсеньев, 1994), повествующая о предыстории и истории возобновления монастыря в XIX веке, его благотворителях и реликвиях. В третьей части книги – в «Приложениях» – содержатся также официальные документы (в том числе распоряжения Священного Синода), достаточно полно представляющие важнейшие этапы исторического существования монастыря.

При первоначальном обследовании произведения и знакомстве с хроникой обустройства монастыря возникло предположение о создании иконы в кругу мастеров артели В.М. Пешехонова. Некоторые сведения об этом мастере и детальная характеристика «пешехоновского стиля» представлены в третьей главе – «Палех в эпоху упадка. Пешехоновский стиль» – работы

А.В. Бакушинского «Искусство Палеха» (Бакушинский, 1934). Упоминание о «пешехоновской манере» как ответвлении академического стиля второй половины XIX века присутствует в статье М. Красилина «Русская икона XVIII – начала XX веков» в коллективной монографии «История иконописи. Истоки. Традиции. Современность» (Красилин, 2010: 221).

Наиболее полно материалы о Санкт-Петербургской иконописной артели и ее организаторе – В.М. Пешехонове, связанном художественными заказами с Ульяновским монастырем, представлены в монографии Ж.Г. Белик (Белик, 2011).

4. Результаты

Предметом исследования стала фамильная реликвия жителя прибалтийского российского Калининграда (бывшего Кёнигсберга) – небольшая икона (18x14,5x2 см) с изображением четырех святых (Рис. 1, 2), о происхождении которой владельцу ничего не было известно. Выполнена она в традиционной иконописной технике, по золоту; орнамент золоченого фона прочеканен по левкасу. Узор обрамления расцвечен имитирующей «византийские» эмали полихромией. При всей миниатюрности произведения письмо ликов многослойное. Пропорции фигур правильные, цветовая гамма умело гармонизирована. Света и узоры на одеяниях прописаны творенным золотом. Манера письма иконы отмечена тщательностью, характеризующей особую меру ответственности мастера или мастерской, которые выделяют ее из огромного числа тиражируемой массовой продукции и очевидно отличают важный заказ. Благодаря надписи золотом на нижнем синем поле, устанавливаются обстоятельства возникновения иконы: «Копія съ чудотворн. Обра(за) находящаяся въ Троицком-Стефано-Ульянове м[о]н[ас]тырь Волог. губ. Оустьсысол. оуѣзда оу зырянъ».

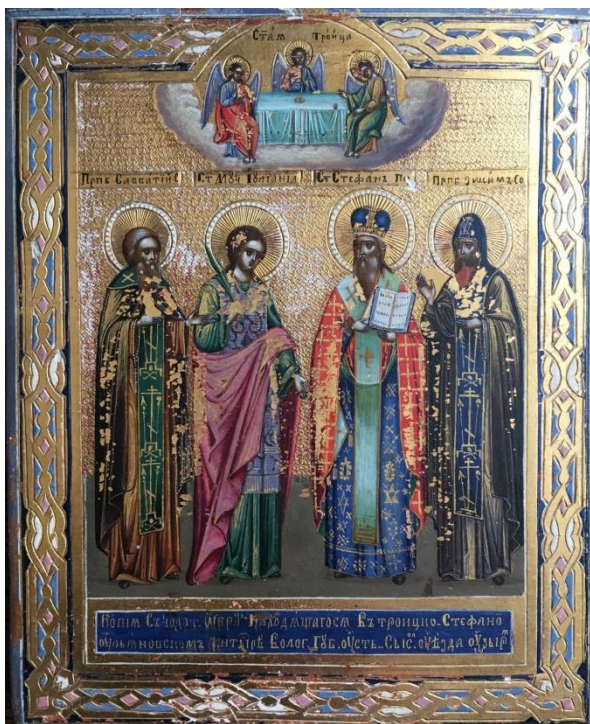

Рис. 1. Икона «Святые покровители Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря». (Фото автора)

Рис. 2. Икона «Святые покровители Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря». Обрат. (Фото автора)

Известно, что русские монастыри, в частности в северных районах (например, Спасо-Преображенский Соловецкий), изготавливали для подарков и продажи богомольцам благословенные образки с изображением основателей обители и связанных с ее историей чудотворцев. Если большинство приходящих в монастырь окрестных жителей получали в благословение полиграфические бумажные образки, то тщательно выполненные в традиционной иконописной технике по золоту на дереве со сложным орнаментальным обрамлением миниатюрные паломнические иконы, скорее всего, создавались как дары особо значимым богомольцам. Подтверждением тому служит выполненная на обороте иконы чернильной ручкой надпись: «Июня 14 д. 1888 года получена в благословение от настоятеля Тр.-Стефано-Ульяновского монастыря архимандрита Матфея». Поблекшая подпись не вполне прочитывается, возможно – «П. Бульчев» (Рис. 2). Из текста можно сделать вывод, что икона выполнена по заказу настоятеля обители архимандрита Матфея.

Рис. 3. Икона «Святые покровители Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря». Святая Троица. Фрагмент средника. (Фото автора)

Образы святых в среднике иконы представлены предстоящими изображенной в верхнем сегменте «неба» Святой Троице в традиционном иконографическом типе, производном от «Гостеприимства Авраама» («Троица Ветхозаветная») (Рис. 3). Согласно агионограммам, трое святых – прославленные в северных русских землях Стефан Пермский, в чье имя поименован монастырь, и преподобные Савватий и Зосима Соловецкие. Икона, таким образом, представляет святых покровителей Ульяновского Троицко-Стефановского монастыря в молитве Святой Троице.

Деятельность святого Стефана (около 1330–1396), первого епископа основанной им Пермской епархии Русской православной церкви, способствовала вхождению пермских земель в состав Великого княжества Московского (Прохоров, 1995: 3–47). Миссионерский подвиг Стефана Пермского современники соотносили с просветительской миссией Кирилла Философа: «И Бога ради оба потрудились: один ради спасения славян, а другой – пермян. Как два светлых светила, они просветили народы» (Елифаный Премудрый, 1995: 181).

Стефан, епископ Великопермский,¹ почитается русской Церковью в лике святителей наравне с митрополитами Московскими и всяя Руси. Во время епископского служения святителя (1383–1396) им основано в опекаемых землях пять монастырей (Верюжский, 1880: 170). Из них при всей сложности истории, вновь и вновь возрождаясь, сохранил свою миссионерскую деятельность до нашего времени Ульяновский на реке Вычегде, традиционно чтящий Стефана Пермского как своего основателя.

Именование возобновленного в XIX веке монастыря Троицким отвечает глубинному смыслу деятельности святого Стефана. Подобно основателю Свято-Троицкого монастыря под Москвой – преподобному Сергию Радонежскому – Стефан Пермский вошел в историю русской Церкви как верный прославитель Живоначальной Троицы. В частности, согласно преданию, им написана икона «Зырянская Троица» с текстом на коми-зырянском языке, алфавит (анбур) которого был создан святителем Стефаном (Верюжский, 1880: 172).

Несмотря на значительное количество сохранившихся икон Стефана Пермского, иконография его остается мало изученной (Котылева, 2007: 116). В рассматриваемой иконе святой Стефан изображен в архиерейском облачении с митрой² и удостоверяющим его святительское достоинство раскрытым кодексом Писания в руках. Золотоузорное облачение «пермского апостола» представлено в редкой для подвижника цветовой гамме – алая крестчатая риза-фелонь, синий подризник и светлый лазоревый омофор (Рис. 4). Характерно, что светло-красная фелонь (саккос)³ святого

¹ «Пермь Великая» – название территории к западу от Уральских гор, в бассейне рек Вычегда, Печора и Кама, заселенная с древности угорскими племенами, объединяемыми общим названием «коми»: пермяки, зыряне, печора и др.

² Митры-короны появляются в обиходе русских иереев в середине XVII века, во времена патриарха Никона, а с 1705 года митра становится головным убором не только архиереев, но и архимандритов.

³ В сольвыгодском историко-художественном музее хранится расписанная в алых тонах по холсту риза, почитаемая как саккос стефана пермского. несмотря на ее позднейшую датировку (XVII век) существует вероятность того, что риза является в целом достоверной копией древнего оригинала. См. интервью директора национального музея республики коми ирины котылевой газете эском. URL: <http://www.rusvera.mrezha.ru/577/4.htm>

Стефана отличает его иконные изображения уже с начала XVII века. Есть основания полагать, что эта особенность иконографии северного подвижника оформилась в Москве, где в Кремлевском соборе Спаса на Бору покоились мощи святителя¹ и создавались его самые ранние иконные изображения. Весомым аргументом в пользу этого служит воспроизведение несохранившейся иконы московского собора Спаса на Бору (Лыткин, 1889: форзац). Мастер паломнической иконы монастыря в зырянской земле и, очевидно, храмовой иконы-оригинала определенно наследует эту старую московскую иконографическую традицию.

Святые Савватий (умер в 1434 или 1435 г.) и игумен Зосима (умер в 1478 г.) Соловецкие канонизированы в 1547 году. Савватий положил начало монашеству на Большом Соловецком острове в Белом море, Зосима был его последователем и одним из основателей Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря. Соловецкие чудотворцы стоят в ряду наиболее известных русских святых и почитаются как просветители языческих народов Поморья (Панченко, 2009: Зосима и Савватий).

Включение этих святых в композицию образа главной церкви обители демонстрирует связь Троице-Стефано-Ульяновского и Соловецкого монастырей. Именно из Соловецкого монастыря, совершив литургию в храме Зосимы и Савватия, отправились в 1866 году в непростую многодневную дорогу пятеро иноков для возобновления в Ульяново монашеской жизни (Арсеньев, 1994: 42).

Рис. 4. Икона «Святые покровители Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря». Средник. Фрагмент. (Фото автора)

В рассматриваемой иконе святые Савватий и Зосима изображены в одеяниях преподобных: монашеская мантия, ряса, епитрахиль с голгофскими крестами. Зосима представлен в куколе – головном покрыве великой схимы, на плечах Савватия – четырехугольный плат-аналав (Рис. 4).

Образ святой Иулиании в иконе близок византийско-русским изображениям мученицы Иулиании из Никомидии (304 г.); цвета ее одеяния аналогичны известным в русской иконе, начиная с XIV века² (Рис. 4).

Житие Иулиании Никомидийской повествует о мученической смерти тайной христианки-девы, отказавшейся выйти замуж за язычника (Жития святых, 2004: 575-586). Почитание мученицы Иулиании распространено в странах Западной Европы, там же обретаются ее чудотворные мощи.

¹ В декабре 1875 года частица мощей Стефана Пермского, отделенная с благословения митрополита Московского Иннокентия от мощей, находившихся в московском Рождественском Девичьем монастыре, была доставлена в Троице-Стефано-Ульяновскую обитель и помещалась как величайшая святыня в металлическом киоте вместе с иконой святителя Стефана (Арсеньев, 1994: 96, 110).

² См., например, псковскую икону XIV века «Свв. Варвара, Параскева, Иулиания» в Государственной Третьяковской галерее в Москве.

На Руси культ святой девы Иулиании изначально поддерживался в самых западных городах – Новгороде и Пскове.

Прояснение вопроса о включении этой прославившейся на востоке Римской империи святой в группу покровителей монастыря в Коми крае, а также детали ее облика подробнее рассматриваются ниже.

Поклонение в иконе изображенных святых Троице – безусловно, дань посвящению монастыря и непосредственно связано с миссией Стефана Пермского. Очевидно, что пермский святитель (как и его последователи) в проповеди язычникам о сути христианского учения обращался к изображению Ветхозаветной Троицы как наиболее наглядной визуализации троичного догмата ([Преображенский, 2013: 130-140](#)).

Полное именование монастыря-места происхождения иконы: Троицкий Стефано-Ульяновский. Ульяновским монастырь изначально назывался по расположению в Ульяново на Вычегде. История топонима, согласно местному преданию, сохраняет память о последовательнице Стефана Пермского Иулиании (Ульяне), которая проповедовала православие среди вычегодских коми, была захвачена разбойниками-язычниками и выброшена из лодки в реку Вычегду. Ее тело было вынесено на место, которое стало именоваться «Ульянино плёсо» ([Арсеньев, 1994: 30](#)). Считается, что именно здесь в конце XIV века Стефан Пермский основал монастырь ([Верюжский, 1880: 170](#)). В XVII веке в этом месте была основана (или возобновлена) Ульяновская пустынь. После секуляризации 1764 года все монастыри в Коми крае были упразднены, и к середине XIX века Ульяновская обитель запустела. В 1860 году Вологодское епархиальное управление обратилось в Синод с ходатайством учредить здесь мужской монастырь. По распоряжению Святейшего Синода обитель в прославление святителя Стефана Пермского и с целью продолжения его миссионерской деятельности среди зырян была возобновлена как Троицкий Стефано-Ульяновский заштатный монастырь «с настоятельством строительским» ([Арсеньев: 121](#)). Пришедшие в пустынь из упраздненной в городке Лальске обители престарелые иноки не в состоянии были поднять ее из руин, и в 1866 году последовал указ Синода «О назначении иноков Соловецкого монастыря для устройства Ульяновской обители». На должность настоятеля избрали иеромонаха Матфея (Михаил Андреевич Сунцов, 1815–1894), бывшего до того наместником Соловецкого монастыря ([М.И. Из Соловецкого монастыря, 1867: 22-24](#)). Патриотический подъем 1853–1856 гг. – времен Крымской войны ([Крот и др., 2017: 107](#)) – способствовал тому, что иеромонаха Матфея многие знали как участника и организатора противостояния соловецких монахов штурму монастыря англо-французской эскадрой в период Беломорской кампании. В числе немногих он был награжден за это специальной воинской наградой для священнослужителей – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте ([Лебедев, 1895: 919-925](#)). Именно его даром-благословением и является рассматриваемая нами икона.

Первому двадцатилетию монастырской истории посвящено «Повествование монаха Арсения об устройении Ульяновской обители», составляющее значительную часть хроники, опубликованной по заказу настоятеля в 1889 году ([Арсеньев, 1994: 42-112](#)). Строительство здесь началось с воздвижения церкви соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия, для которой вологодский купец П.А. Белозёров пожертвовал двухъярусный иконостас. Иконостас для церкви Успения Богородицы «за оградой» – дар известного своей благотворительной деятельностью соликамского купца И.А. Рязанцева ([Арсеньев, 1994: 110](#)). Многочисленные пожертвования в монастырь направляли и из обеих столиц. Только в 1868 году были получены из Санкт-Петербурга тысяча рублей от купца 1 гильдии Г.П. Елисеева ([Список, 1869: 118](#)), из Москвы – стопудовый колокол от купца Моисеева ([Арсеньев, 1994: 74](#)). Подобные подвиги благочестия не оставались незамеченными церковной иерархией.¹

Иконы для монастыря изготавливались в лучших столичных мастерских. Для верхнего храма Троицкого собора был привезен иконостас (пожертвование петербургского купца С.А. Моденова), выполненный в мастерской В.М. Пешехонова – самого известного во второй половине XIX века хозяина иконописной артели в Санкт-Петербурге. Из Петербурга прибыли и другие иконы, выполненные «академическим художником греческим стилем. Знатоки весьма хвалят живопись, признавая за этими иконами большое художественное достоинство» ([Арсеньев, 1994: 95, 108](#)). Определение, данное этим иконам в монастырской хронике, полностью соответствует характеристике работ иконописцев пешехоновской мастерской современниками ([Белик, 2011: 7](#)).

В 1868 году отец Матфей стал архимандритом – это один из высших в Русской православной церкви монашеских чинов, которого удостоиваются настоятели крупнейших монастырей. За несколько лет пять соловецких подвижников сумели, опираясь на ближних и дальних доброхотов, создать единственную мужскую обитель в Коми крае, которая стала крупным православно-просветительским центром и одним из самых богатых русских монастырей. Великолепный, не имеющий себе равных в землях коми-зырян архитектурный ансамбль, бесценные реликвии и

¹ Так, в феврале 1869 года Вологодский и Устюжский епископ Палладий распорядился: «Всем жертвователям объявить мою благодарность с призыванием на них благословения Божия, а петербургскому купцу 1 гильдии г. Григорию Петров. Елисееву и владимирской купеческой вдове Марии Петров. Владимировой испросить, кроме того, благословение Свят. Синода с выдачею им на это грамоты» ([Разные известия по епархии, 1869: 113-114](#)).

украшенные золоченой резьбой прекрасно выполненные иконостасы, не виданные в этих краях торжественность и благолепие церковных служб – все это привлекало во вновь построенную обитель местных богомольцев и многочисленных паломников, число которых, по свидетельству очевидцев, достигало пяти и более тысяч в год (Арсеньев, 1994: 108).

Обитель воздвигалась, как истинная «всенародная стройка», трудами и жертвованиями православных россиян огромной империи. Центральное место среди монастырских построек занимали двухэтажный пятиглавый Троицкий собор (1869–1875) и самая высокая в крае – высотой 64 м – колокольня, с церквями на первом и втором ярусах. В монастыре было еще три храма, жилые корпуса, гостиница, больница, хозяйственные постройки – всего к началу XX века насчитывалось сорок восемь сооружений. Монастырь обнесли каменной стеной с крытой галереей для крестного хода, с угловыми башнями и надвратной церковью в честь Архистратига Михаила. Прибывший с соловецким «десантом» инок Арсений сообщал о расцвете обители: «В какие-нибудь двадцать лет устроилась Ульяновская обитель, не уступающая в настоящем ее состоянию тем, которые существуют целые столетия».

Особенно важной является его характеристика той сложной природной и социально-культурной ситуации, с которой столкнулись при создании монастыря соловецкие подвижники: «Не в центре деятельной жизни, не вблизи блестящих городов и пышных столиц, посреди метелей и снегов, на дальнем севере, ... в лесных пустынях, у народа бедного средствами, но богатого верою и чистотою души (Арсеньев, 1994: 103).¹

Память Сольвычегодской святой Иулиании (Ульяны), чье имя носит местность, чтут в Соборе Вологодских святых (Романенко, Плаксина, 2009: Иулиания). Еще по прибытии в обитель отец Матфей планировал престол придела святой мученицы Иулиании в главной монастырской – Троицкой церкви – устроить в память благочестивой девицы Ульянии, утонувшей в реке Вычегде (Матфей, 1867: 28). Согласно бытующей в возобновленном в 1994 году монастыре легенде, крестомощевик, предположительно с частицей мощей сольвычегодской мученицы Иулиании (Ульяны) принадлежал ранее архимандриту Матфею и хранится ныне в Национальном музее Республики Коми (Пититрим, 2008: 72).

Почитали в монастыре праведную деву Иулианию Сольвычегодскую, уподобляя ее тезоименитой раннехристианской мученице Иулиании Никомедийской, и чтити в тот же день – 21 декабря. Кроме имени, обеих дев, пострадавших за веру, – Никомедийскую (начало IV века) и Сольвычегодскую (конец XIV века) – сближает подвиг противостояния язычникам и сохранения целомудрия ценой отказа от земной жизни.

Кульст святой Иулиании в Троицко-Стефано-Ульяновском монастыре поддерживался благодаря одной из главных святынь обители – раке с мощами святой мученицы Иулиании Никомедийской, помещавшейся в нижнем этаже соборного храма (Арсеньев, 1994: 109). Частица мощей в золоченом кресте была пожертвована монастырю в 1868 году Е.П. Кебер, урожденной Нарышкиной, из Москвы (Список, 1869: 119). Придел во имя мученицы Иулиании в 1874 году по распоряжению вологодского епископа Феодосия освятили в деревянной Спасской церкви, «что внизу под горою» (Арсеньев, 1994: 94). Во всех монастырских церквях, в церкви подворья Ульяновского монастыря в Усть-Сысольске (ныне – Сыктывкар) имелись многочисленные иконы с ее образом (Романенко, Плаксина, 2009: Иулиания). Все это свидетельствует о почитании в монастыре мученицы Иулиании Никомедийской как небесной покровительницы. Из чисто топографического определения (Ульяновский – по местности Ульяново) именование монастыря обрело указание на глубинную связь с вселенской церковной историей.

Образ святой Иулиании был включен в состав многофигурной храмовой иконы Троицкого собора «Святые покровители Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря в молении Святой Троице». Икона эта, имевшая в монастыре славу чудотворной, не сохранилась до наших дней. Память о чудотворном образе несут выполненные для паломников уменьшенные копии. Композиция храмовой иконы была разработана, скорее всего, на месте, в обители. Можно предположить, что эта икона, созданная в связи с чудесным возрождением монастыря и постройкой величественного Троицкого собора в честь святых покровителей – Св. Стефана и преподобных Зосимы и Савватия Соловецких – должна была свидетельствовать также о вновь приобретенном покровительстве раннехристианской святой мученицы Иулиании, а также, очевидно, о возобновлении почитания сольвычегодской святой Иулиании (Ульяны).

Одна из миниатюрных копий этой чудотворной иконы, датированная «до 1882 года», имеется в собрании икон Национального музея Республики Коми. Композиция иконы и надпись на нижнем поле (Романенко, Плаксина, 2009: Иулиания) аналогичны рассматриваемой нами паломнической иконе.

¹ Стоит упомянуть, что известны случаи, когда миссионерская инициатива православной церкви в соседних регионах в близкое описываемому время заканчивалась полным провалом, вплоть до гибели монахов от цинги и голода (Верецагин, Задорин, 2017: 1055).

Не исключено, что копии чудотворного образа были заказаны одновременно с иконами Троицкой церкви в петербургской мастерской В.М. Пешехонова. Манера письма паломнической иконы вполне соответствует характеристике мастерства палехских, тверских, новгородских мастеров, создавших так называемый «пешехоновский стиль» (Бакушинский, 1934: 88). Для «пешехоновских писем» характерно следование средневековой иконографии, обращение к памятникам как древнерусского, так и византийского искусства, включая мотивы объемных полихромных орнаментов, с определенной «корректировкой» соответственно принципам академической живописи.

Правда, среди известных по документам и подписанных икон В.М. Пешехонова¹ не обнаружено миниатюрных паломнических образков. Паломнические образки монастырь заказывал у «держателя иконной торговли» Ф.С. Таланова из деревни Ковшов Палехской волости Шуйского уезда Владимирской губернии (Романенко, Плаксина, 2009: Иулиания). Однако следует принять во внимание, что многие иконописцы Палеха работали по заказам мастерской Пешехонова и стилизовали свою манеру под «пешехоновские письма» (Белик, 2011: 11).

Иконных изображений Сольвычегодской святой девы Иулиании, скорее всего, не существовало. По-видимому, в образах мученицы Иулиании, связанных с Троицким Стефано-Ульяновским монастырем, видели именно сольвычегодскую праведную деву. Об этом косвенно свидетельствуют некоторые устойчивые особенности, не совпадающие с принятой в православии иконографией Никомедийской мученицы. Так, в рассматриваемой иконе дева Иулиания предстает с непокрытой головой, в зеленой тунике и розовой мантии (а не наоборот), перекинутой через левую руку. Трудно объяснимой деталью одеяния святой в иконе является сдвоенная узорная лента, спущенная спереди по тунике. В русской иконографии этот элемент одежды у святых дев практически не встречается. Более всего он похож на лор – шарф из жесткой ткани с драгоценными камнями, характерный для придворного византийского костюма (λωρος – греч. «лента»). Как деталь облачения святых жен, а позднее и архангелов, он встречается в византийской церковной живописи. В поднятой правой руке святой Иулиании – пальмовая ветвь – символ мученической смерти, также свойственный византийским изображениям святых дев V–VI веков; в русских иконах мученицы Иулиании обычно изображается крест.

Обращение к подобным деталям из ранневизантийского иконографического наследия показательно для поздней русской иконы, отличающейся осознанным интеллектуальным археологизмом. Для пешехоновских мастеров копирование византийских икон, собирание и использование старинных прорисей (Виноградова, Федьшин, 2011) являлось не только данью вкусам современников, но и отвечало семейной конфессиональной традиции: основатель династии М.С. Пешехонов и многие иконописцы, связанные с артелью, происходили из старообрядческой среды (Белик, 2011: 11), где целенаправленно культивировали древнюю «дониконовскую» иконографию.

Добавим, что в многочисленных, изданных в 1870–1890 годах по заказу монастыря типографским способом, паломнических образках святая Иулиания предстает на фоне Ульяновского монастыря с надписью на обрамлении: «Благословение Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря» (Романенко, Плаксина, 2009: Иулиания).

В отличие от хозяйственной и социальной деятельности монастыря, для изучения которых существует достаточное количество материалов², документальных свидетельств о духовной жизни иноков Ульяновской обители не сохранилось (Питирим, 2008: 20). Рассматриваемая нами паломническая икона является редким и своеобразным документом эпохи, «текст» которого может служить важным культурно-историческим источником, свидетельствующим о поддержании и возобновлении культов святых, об иконографическом творчестве и масштабной миссионерской и популяризаторской деятельности, что позволяет оценить разноплановость и высокую наполненность духовной жизни Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря.

Ульяновский монастырь после более чем полувекового процветания был официально закрыт в 1918 году, и к 1923 году службы в церквях прекратились. Далее последовало его тотальное уничтожение. Восстанавливаться обитель начала практически на пустом месте в 1994 году. Согласно Православной энциклопедии, почитание святой Иулиании в Троицко-Стефановской Ульяновской обители ныне утрачено, как и мощи мученицы Иулиании Никомедийской (Романенко, Плаксина, 2009: Иулиания).

Художественные особенности, техника исполнения иконы «Святые покровители Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря в молении святой Троице» отвечают стилизаторской манере русской иконописи второй половины – конца XIX века. В ней сплелись заново открытые особенности древней византийско-русской иконы и опыт академической церковной живописи. В этом смысле можно говорить о ее близости произведениям знаменитой петербургской иконописной

¹ Известно не менее 55 подписанных икон (Виноградова, Федьшин, 2011).

² См., например, фонд Троицко-Стефановского Ульяновского мужского монастыря в Центральном государственном архиве Республики Коми (Ф. 232. Ед. хр. 367. 1853–1919 гг.).

мастерской В.М. Пешехонова (1818–1888), стиль которой отражал эстетические пристрастия столичной элиты, о чем красноречиво свидетельствует привлечение ее организатора и хозяина к работам над иконами для царской семьи. В 1856 году В.М. Пешехонов был удостоен редкого для художника звания иконописца Высочайшего Двора (Белик, 2011: 50). В мастерской Пешехонова в 1870–1880 годы выполняли масштабные заказы на иконостасы для вновь построенных храмов, прежде всего в крупных северных монастырях. В этом ряду были и иконы для Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря, и среди них, как полагаем, – паломническая икона с образами небесных покровителей возрожденной и переживавшей тогда период расцвета обители.

5. Заключение

С помощью указанных выше методов удалось установить, что рассматриваемая икона является одним из редких уцелевших примеров паломнического образа знаменитого в свое время северорусского монастыря. Она представляет собой миниатюрное повторение несохранившейся храмовой иконы главной монастырской церкви. Прославленная как чудотворный образ, эта икона, созданная в 1870–1880 годах, стала результатом иконографического творчества заказчика (очевидно – архимандрита о. Матфея) и работавших для монастыря мастеров-иконописцев. Выработанный в Троицком Стефано-Ульяновском монастыре уникальный иконографический извод, как в отношении выбора святых, так и композиции в целом (с мотивом поклонения Троице), напрямую связан с непростой историей этой обители и с историей распространения православия на северо-восточных землях России.

Говоря о художественной стороне иконы «Святые покровители Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря в молении Святой Троице», следует принять во внимание ее несомненное соответствие основным направлениям русского иконописания второй половины XIX века. В связи с недостаточной изученностью особенностей поздней русской иконы остается открытым вопрос о ее принадлежности конкретному мастеру или, что вероятнее, иконописной мастерской, тем более учитывая практиковавшийся в то время артельный способ изготовления икон с обязательным разделением работы между разными мастерами. Полагаем, что существует вероятность возникновения данной иконы как в петербургской мастерской В.М. Пешехонова, так и в мастерской шуйского купца и палехского уроженца Ф.С. Таланова, иконописная манера которой в общих чертах близка так называемому «пешехоновскому» стилю.

С утратой в революционные годы монастыря и его реликвий данное произведение, удивительным образом сохранившееся в домашней коллекции жителя Калининграда, далеко отстоящего от коми-зырянских земель, открывает уникальную возможность хотя бы в какой-то мере оценить во многом уже забытые духовные свершения русских подвижников почти полуторавековой давности.

Введение в научный оборот паломнической иконы «Святые покровители Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря в молении Святой Троице» расширяет наши представления о русской духовной культуре XIX столетия.

Литература

Арсеньев, 1994 – Арсенев Ф.А. Ульяновский монастырь у зырян: Троицко-Стефановская новообщежительная обитель. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1994 (репринт издания 1889 г.). 143 с.

Бакушинский, 1934 – Бакушинский А.В. Искусство Палеха. М.-Л.: Academia, 1934. 266 с.

Белик, 2011 – Белик Ж.Г. Иконописное наследие мастерской Пешехоновых. М.: Индрик, 2011. 168 с.

Бусева-Давыдова, 2001 – Бусева-Давыдова И.Л. Основные проблемы изучения поздней русской иконописи // *Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетий*: Сборник статей. М., 2001. С. 17-30.

Верюжский, 1880 – Верюжский Иоанн. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. Вологда, 1880. 699 с.

Виноградова, Федьшин, 2011 – Виноградова Е.А., Федьшин И.Н. Икона В.М. Пешехонова 1858 г. «Избранные святые» из Петро-Павловской церкви Вологды как отражение влияния академической живописи на творчество русских иконописцев XIX века // *Доклад на Межрайонной научно-краеведческой конференции «Православная культура Северной провинции», посвященной 195-летию со дня рождения академика живописи П.С. Тюриня, г. Сокол Вологодской области, 18 ноября 2011 года*. Сайт Вологодского государственного музея-заповедника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vologdamuseum.ru/content?id=154>

Елифаный Премудрый, 2003 – Елифаный Премудрый. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Елифанием // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ. СПб.: Наука, 2003. Т. 12: XVI век. С. 136-189.

Жития святых, 2004 – Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четых-Миней св. Димитрия Ростовского (репринт). Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 2004. Т. IV. Месяц декабрь. Страдание святой мученицы Иулиании девы и других с нею. С. 575-586.

Котылева, 2007 – *Котылева И.Н.* Формирование иконографии «зырянского апостола» в XVII в.: к вопросу о развитии почитания св. Стефана Пермского на Руси // *Исторические произведения как феномен культуры*: Сборник научных статей. Вып. 2. Сыктывкар, 2007. С. 116-125.

Красилин, 2010 – *Красилин М.* Русская икона XVIII – начала XX веков // *История иконописи. Истоки. Традиции. Современность*. М.: «АРТ-БМБ», 2010. С. 209-230.

Лебедев, 1895 – *Лебедев А.* Святая обитель среди зырян [Троицко-Стефано-Ульяновский монастырь] и ее строитель [архимандрит Матфей] // *Прибавления к церковным ведомостям, 1895*. № 27. С. 919-925.

Лыткин, 1995 – *Лыткин Г.С.* Зырянский край при епископах пермских. Сыктывкар: Полярная звезда, 1995 (репринт издания СПб., 1889 г.). 88 с.

Матфей, 1867 – *Матфей*, иеромонах. Воззвание настоятеля Троицко-Стефано-Ульяновского монастыря Устьсысольского уезда Вологодской епархии, строителя иеромонаха Матфея, бывшего инока и наместника Соловецкой обители. 3 декабря 1866 г. // *Прибавление к вологодским епархиальным ведомостям № 1*. 1 января 1867 года. С. 26-29.

М. И., 1867 – *М. И.* Из Соловецкого монастыря. Новый монастырь у зырян // *Прибавление к вологодским епархиальным ведомостям*. № 1. 1 января 1867 года. С. 22-26.

Панченко, 2009 – *Панченко О.В.* Зосима и Савватий // *Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/200051.html>

Пититрим, 2008 – *Пититрим*, Епископ. Путь становления обители (история становления Троице-Стефано-Ульяновского монастыря). Сыктывкар, 2008. 115 с.

Преображенский, 2013 – *Преображенский А. С.* Икона «Чудо архангела Михаила в Хонех» из села Комарицы и христианизация зырянской земли // *Арт*. Сыктывкар, 2013. № 2. С. 130-140.

Прохоров, 1995 – *Прохоров Г.М.* Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф Епифаний Премудрый // *Святитель Стефан Пермский: к 600-летию со дня преставления*. СПб., 1995. С. 3-47.

Разные известия по епархии, 1869 – Разные известия по епархии // *Вологодские епархиальные ведомости*. № 6 и 7. Апрель 1869. С. 111-118.

Романенко, Плаксина, 2009: Иулиания – *Романенко Е.В., Плаксина Н.Е.* Иулиания // *Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/1237857.html>

Список, 1869 – Список лиц, сделавших пожертвования в пользу Троицко-Стефано-Ульяновского монастыря деньгами и вещами в 1868 году // *Вологодские епархиальные ведомости*. № 6 и 7. Апрель 1869. С. 118-120.

Халтурин, 2001 – *Халтурин Ю.* Предисловие // *Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия*: Сборник статей. М., 2001. С. 5-6.

Krot et al., 2017 – *Krot, M.N., Chernicin S.V., Zavyalova O.O.* The Patriotic Enthusiasm during the Crimean War (1853–1856) as a Factor of Modernization Turn in Russia. *Bylye Gody*. 2017, Vol. 43, Is. 1, pp. 103-111.

Vereshchagin, Zadorin, 2017 – *Vereshchagin I.F., Zadorin M.Y.* Ethnopolitical Landscape of Arkhangelsk Governorate at the turn of the century: the end of XIX –the beginning of XX centuries (based on the materials of the diocesan press). *Bylye Gody*. 2017, Vol. 45, Is. 3, pp. 1044-1062.

References

Arsen'ev, 1994 – *Arsen'ev F.A.* (1994). Ul'yanovskii monastyr' u zyryan: Troitsko-Stefanovskaya novoobshchezhitel'naya obitel' [Ulyanovsk Monastery near the Zyryans: Trinity-Stefanovskaya new communal cloister]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1994. (reprint izdaniya M., 1889 g.). 143 p. [in Russian]

Bakushinskii, 1934 – *Bakushinskii A.V.* (1934). Iskusstvo Palekha [The art of Palekh]. M.-L.: Academia, 266 p. [in Russian]

Belik, 2011 – *Belik, Zh.G.* (2011). Ikonopisnoe nasledie masterskoi Peshekhonovykh [Icon heritage of the Peshekhonovs workshop]. M.: Indrik, 168 p. [in Russian]

Buseva-Davydova, 2001 – *Buseva-Davydova, I.L.* (2001). Osnovnye problemy izucheniya pozdnei russkoi ikonopisi [The main problems of the study of late Russian icon painting]. *Russkaya pozdnyaya ikona ot XVII do nachala XX stoletiya: Sbornik statei*. M., pp. 17-30. [in Russian]

Epifanii Premudryi, 2003 – *Epifanii Premudryi*. Slovo o zhitii i uchenii svyatogo ottsa nashego Stefana, byvshego episkopa v Permi, sostavlennoe prepodobnym vo svyashchennoinokakh ottsom nashim Epifaniem [A word about the life and teachings of our holy father Stephen, a former bishop in Perm, compiled by the reverend priest in our priests Epiphanius]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* /RAN. IRLI; SPb.: Nauka, 2003. Vol. 12: XVI vek, pp. 136-189. [in Russian]

- Khalturin, 2001** – *Khalturin Yu.* (2001). Predislovie [Foreword]. *Russkaya pozdnyaya ikona ot XVII do nachala XX stoletiya: Sbornik statei.* M., pp. 5-6. [in Russian]
- Kotyleva, 2007** – *Kotyleva I.N.* (2007). Formirovanie ikonografii «zyryanskogo apostola» v XVII v.: k voprosu o razvitii pochitaniya sv. Stefana Permskogo na Rusi [The Formation of the Iconography of the “Zyryan Apostle” in the 17th Century: to the question of the development of veneration of st. Stefan Permsky in Ancient Russia]. *Istoricheskie proizvedeniya kak fenomen kul'tury: Sbornik nauchnykh statei.* Vol. 2. Syktyvkar, pp. 116-125. [in Russian]
- Krasilin, 2010** – *Krasilin M.* (2010). Russkaya ikona XVIII – nachala XX vekov [Russian icon of the XVIII – beginning of XX centuries]. *Istoriya ikonopisi. Istoki. Traditsii. Sovremennost'.* M: «ART-BMB», pp. 209-230. [in Russian]
- Krot et al., 2017** – *Krot, M.N., Chernicin S.V., Zavyalova O.O.* (2017). The Patriotic Enthusiasm during the Crimean War (1853–1856) as a Factor of Modernization Turn in Russia. *Bylye Gody.* Vol. 43, Is. 1, pp. 103-111.
- Lebedev, 1895** – *Lebedev A.* (1895). Svyataya obitel' sredi zyryan [Troitsko-Stefano-Ulyanovskii monastyr'] i ee stroitel' [arkhimandrit Matfei] [Holy monastery among the Zyryans [Trinity-Stefano-Ulyanovsk Monastery] and its builder [archimandrite Matthew]. *Pribavleniya k tserkovnym vedomostyam.* Nr 27, pp. 919-925. [in Russian]
- Lytkin, 1995** – *Lytkin G.S.* (1995). Zyryanskii krai pri episkopakh permskikh [Zyryan Territory under the Bishops of Perm]. Syktyvkar: Polyarnaya zvezda, 1995 (reprint izdaniya SPb, 1889 g.). 88 p. [in Russian]
- M. I., 1867** – *M. I.* (1867). Iz Solovetskogo monastyrya. Novyi monastyr' u zyryan [From the Solovetsky Monastery. The new monastery at Zyryan]. *Pribavlenie k vologodskim eparkhial'nyim vedomostyam.* Nr. 1. January 1, pp. 22-26.
- Matfei, 1867** – *Matfei,* ieromonakh. (1867). Vozzvanie nastoyatelya Troitsko-Stefano-Ulyanovskogo monastyrya Ust'sysol'skogo uezda Vologodskoi eparkhii, stroitelya ieromonakha Matfeya, byvshego inoka i namestnika Solovetskoi obiteli. 3 dekabrya 1866 g. [Appeal of the Rector of the Trinity-Stefano-Ulyanovsk Monastery of the Ustyssol Uyezd of the Vologda Diocese, builder hieromonk Matthew, a former monk and governor of the Solovetsky monastery. December 3, 1866]. *Pribavlenie k vologodskim eparkhial'nyim vedomostyam.* No. 1. January 1, pp. 26-29. [in Russian]
- Panchenko, 2009** – *Panchenko O.V.* (2009). Zosima i Savvatii [Zosima and Savvaty]. *Pravoslavnaya entsiklopediya pod redaktsiei Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla* [Electronic resource]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/200051.html> [in Russian]
- Pititrim, 2008** – *Pititrim Episkop* (2008). Put' stanovleniya obiteli (istoriya stanovleniya Troitse-Stefano-Ulyanovskogo monastyrya) [The path of formation of the monastery (the history of the formation of the Trinity-Stefano-Ulyanovsk monastery)]. Syktyvkar, 115 p. [in Russian]
- Preobrazhenskii, 2013** – *Preobrazhenskii A.S.* (2013). Ikona «Chudo arkhangela Mikhaila v Khonekh» iz sela Komaritsy i khristianizatsiya zyryanskoi zemli [The icon "The Miracle of the Archangel Michael in Koneh" from the village of Komaritsy and the Christianization of the Zyryan land]. *Art.* Syktyvkar, Nr 2, pp. 130-140. [in Russian]
- Prokhorov, 1995** – *Prokhorov G.M.* (1995). Ravnoapostol'nyi Stefan Permskii i ego agiograf Epnfanii Premudryi [Equal-to-the-Apostles Stefan of Perm and his hagiographer Epnfany the Wise]. *Svyatitel' Stefan Permskii: K 600-letiyu so dnya predstavleniya.* SPb., pp. 3-47.
- Raznye izvestiya po eparkhii, 1869** – Raznye izvestiya po eparkhii [Different Limes by the Diocese, 1869]. *Vologodskie eparkhial'nye vedomosti.* № 6 i 7. April' 1869. pp. 111-118.
- Romanenko, Plaksina, 2009** – *Romanenko E.V., Plaksina N.E.* (2009). Iulianiya [Juliana]. *Pravoslavnaya entsiklopediya pod redaktsiei Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla* [Electronic resource]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/1237857.html> [in Russian]
- Spisok, 1869** – Spisok lits sdelareshikh pozhertvovaniya v pol'zu Troitsko-Stefano-Ulyanovskogo monastyrya den'gami i veshchami v 1868 godu [List of persons who donated to the Trinity-Stefano-Ulyanovsk Monastery with money and things in 1868]. *Vologodskie eparkhial'nye vedomosti.* Nr 6 and 7. April 1869. Pp. 118-120. [in Russian]
- Veryuzhskii, 1880** – *Veryuzhskii I.P.* (1880). Istoricheskie skazaniya o zhizni svyatykh, podvizavshikhsya v Vologodskoi eparkhii, proslavlyayemykh vseyu tserkoviyu i mestno chtimykh [Historical legends about the life of saints who labored in the Vologda diocese, glorified by the whole church and locally revered]. Vologda, 699 p. [in Russian]
- Vereshchagin, Zadorin, 2017** – *Vereshchagin I.F., Zadorin M.Y.* (2017). Ethnopolitical Landscape of Arkhangelsk Governorate at the turn of the century: the end of XIX –the beginning of XX centuries (based on the materials of the diocesan press). *Bylye Gody.* Vol. 45, Is. 3, pp. 1044-1062.
- Vinogradova, Fedyshin, 2011** – *Vinogradova E.A., Fedyshin I.N.* (2011). Ikona V. M. Peshekhonova 1858 g. «Izbrannye svyatye» iz Petro-Pavlovskoi tserkvi Vologdy kak otrazhenie vliyaniya akademicheskoi zhivopisi na tvorchestvo russkikh ikonopistsev XIX veka [Icon of V. M. Peshekhonov 1858 “Selected Saints” from the Petro-Pavlovsk Church of Vologda as a reflection of the influence of academic painting on the work of Russian icon painters of the 19th century]. *Doklad na Mezhraionnoi nauchno-kraevedcheskoi konferentsii «Pravoslavnaya kul'tura Severnoi provintsii», posvyashchennoi 195-letiyu so dnya rozhdeniya*

akademika zhivopisi P.S. Tyurina., g. Sokol Vologodskoi oblasti, November 18. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.vologdamuseum.ru/content?id=154> [in Russian]

Zhitiya svyatykh, 2004 – Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ikh-Minei sv. Dimitriya Rostovskogo (reprint) [The lives of the saints in Russian, set out according to the guidance of Chetyih-Miney sv. Dimitry of Rostov]. Kiev: Svyato-Uspenskaya Kiev-Pecherskaya Lavra, 2004. T. IV. Month of December. Stradanie svyatoi muchenitsy Iulianii devy i drugikh s neyu. pp. 575-586. [in Russian]

Паломническая икона русского северного монастыря как историко-культурный источник

Наталья Владимировна Шамардина ^{а,*}

^а Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы истории русского северного монастыря в землях коми-зырян, отразившиеся в особенностях паломнической иконы, принадлежащей калининградскому жителю. Выяснилось, что икона является благословением выдающегося церковного деятеля – архимандрита Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря о. Матфея (1818–1885), и представляет собой копию монастырской чудотворной иконы. В иконе прочитываются главные вехи истории и предыстории одного из процветающих во второй половине XIX века русских монастырей с его духовными отцами и святыми покровителями, поддерживаемыми и зачинаемыми культами русских святых. Икона представляет интерес и с художественной точки зрения. При всей безусловной вторичности, а также заданной миниатюрности ее технические и эстетические особенности определены основными тенденциями русской религиозной живописи второй половины XIX века. Они могут быть сближены с такими определяющими явлениями эпохи, как произведения петербургской мастерской В.М. Пешехонова (1818–1888). Этот иконописец и организатор иконного дела способствовал созданию стиля поздней русской иконы, отвечавшего вкусам высшей церковной иерархии и столичной элиты, в том числе и членов императорской семьи.

В период трагических для русской церкви событий монастырь прекратил свое существование и был полностью разрушен. Его новая жизнь началась в 1994 году практически на пустом месте. Рассматриваемая икона дает определенное представление о невозвратно утраченных святынях и той напряженной духовной жизни русских православных миссионеров, которые их породили.

Ключевые слова: паломническая икона, иконография русских святых, северные монастыри, «пешехоновские письма».

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: NVOVO4@mail.ru (Н.В. Шамардина)